

С этой точки зрения образование для Ганди не только определенный комплекс знаний и умений. Для него образование (как конечный продукт) включает: уровень нравственного характера человека, уровень овладения базовой профессией для самостоятельного зарабатывания на жизнь, сумму простых навыков (счета и письма), книжных знаний и учености.

Таким образом, философия образования М. Ганди ориентирована на общечеловеческие ценности. Она обусловила прогрессивный характер многих идей, предопределив их вневременную актуальность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Ганди, М. К.** Моя жизнь. Автобиография. Статьи и речи / М. К. Ганди. – М.: Наука, 1969. – 612 с.
2. **Датта, Д.** Философия Махатмы Ганди / Д. Датта. – М.: Инолит, 1959. – 150 с.
3. **Fifty Major Thinkers on Education.** – London and New York: Routledge Champan & Hall, 2001. – 288 p.
4. **Reynolds, R.** White Saghibs in India / R. Reynolds. – London, 1937.

УДК 316.7 + 37.0(520)

ОБРАЗОВАНИЕ И ГЕНДЕРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЯПОНИИ

А. В. Мирча (Новосибирск)

В данной статье автором предпринимается попытка исследовать роль образовательных институтов Японии в трансформации социальных отношений полов, обусловленной культурной глобализацией. Показано, что в рамках традиционной японской культуры ценности гендерного равенства внедряются через образовательные институты, которые, в свою очередь, обеспечивают подготовку носителей этих глобальных ценностей.

Ключевые слова: *гендерные отношения, культурная глобализация, дуализм сото/ути, трансформация традиционных ценностей, образовательные и политические институты.*

EDUCATION AND THE GENDER RELATIONS TRANSFORMATION IN THE CONDITIONS OF CULTURAL GLOBALIZATION IN JAPAN

A. V. Mircha (Novosibirsk)

In the article the author studies the role of educational institutions of Japan in bringing into life the politics of transformation of the gender relations in the conditions of cultural globalization. The author points out the high significance

Мирча Антон Валерьевич – аспирант кафедры международных отношений и регионоведения факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета.
630092, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, д. 20.
E-mail: segun_83@mail.ru

of educational institutions in the process of adopting new values in a "strong" culture (like the Japanese one), because they are generating social subjects who accept these new values.

Key words: *gender relations, cultural globalization, dualism of "soto/uchi", transformation of traditional values, educational and political institutions.*

Изучение гендерных отношений – относительно новое междисциплинарное научное направление. Гендерные исследования – феномен западной культуры второй половине XX в., обусловленный развитием западных демократических институтов. Предметом новой дисциплины является изучение социальных аспектов отношений между полами в различных сферах жизни общества. Гендерные исследования возникли на волне феминистских движений, но со временем дистанцировались от политических целей феминизма; соответственно, в рамках гендерной проблематики стали изучаться вопросы, касающиеся не только женщин, но и мужчин.

Поначалу изучение социальных отношений полов, феминности и маскулинности осуществлялось преимущественно в контексте западной культуры. На фоне развития третьей волны феминистского движения подобная ориентация была подвергнута критике, что привело к использованию в гендерных исследованиях мультикультурного и мультипарадигмального подходов [9]. Исследователи стали обращать внимание не только на культурное разнообразие и культурную специфику гендерных отношений, но и на то, как преобразуются эти отношения в рамках национальных государств и в условиях усиления взаимосвязей между различными регионами мира. Особый интерес вызывают изменения, которые происходят в процессе взаимопроникновения западных и восточных ценностей, регулирующих социальные отношения полов. В последние годы стало широко изучаться влияние процессов культурной глобализации на трансформацию гендерных отношений.

Одной из ключевых проблем остается проблема изменения устойчивых социокультурных паттернов гендерных отношений в условиях культурной глобализации стран восточной Азии (таких, как Китай и Япония).

Под культурной глобализацией понимается многообразие унифицированных элементов массовой культуры (преимущественно западных), тиражирование которых посредством механизма конюмеризма приводит к тенденции подавления национальных культур [5]. Проблема культурной глобализации ставится в нескольких аспектах – виды глобализирующих воздействий и характер восприятия этих воздействий страной-реципиентом; изменение в содержании культурных концептов; способы (или средства, по П. Бергеру) влияния западных культур [1, с. 10]. Обратим внимание на еще один немаловажный аспект этой проблемы. Необходимо исследовать вопрос о механизмах внедрения привносимых ценностей в массовое сознание и традиционный образ жизни. Важнейшим механизмом трансформации социальных отношений является институт образования, играющий ключевую роль в процессе социализации индивидов на протяжении всего их жизненного пути. В данной статье исследуется роль института образования в трансформации гендерных отношений, происхо-

дядшей в условиях культурной глобализации, причем применительно к японскому обществу.

Как известно, Япония – островное государство, которое на протяжении веков оставалось достаточно обособленным и не воспринимающим внешние влияния. Более того, Япония – одна из немногих восточных стран, которая так и не была колонизирована. По П. Бергеру и Х. Юдито, японская культура – «сильная», а совокупность всех ее элементов обусловлена сформированной в течение длительного исторического периода системой ценностей и традиций, которые, в свою очередь, образуют некое единое «ядро» культуры. Формирование такого типа культуры произошло благодаря длительной изоляции японского архипелага от материковых стран и конституированию особой «островной психологии». Д. Г. Главева указывает на то, что замкнутость географического пространства, развитый культ предков, предполагающий ориентацию на сохранение преемственности, обусловили непрерывность культурного развития Японии [3, с. 5]. Антропологи и историки подчеркивают гомогенность японской культуры, которая предполагает относительную этническую, языковую, религиозную, социальную и имущественную однородность населения Японии [6].

Теория культурной глобализации П. Бергера, на которую мы опираемся, использует идеи британского историка А. Тойнби. Согласно А. Тойнби, взаимодействие цивилизаций в условиях глобального мира осуществляется при помощи механизма «вызов–ответ». Вызов трактуется Тойнби как некий «толчок», побуждающий цивилизацию (или национальное государство) ответить на него и, тем самым, сделать шаг в развитии. Генезис, расцвет и закат цивилизации детерминированы видом ответов на вызовы извне: «...если действие Вызова-и-Ответа объясняет необъяснимые другим способом и непредсказуемые генезис и развитие цивилизаций, то оно также объясняет их надлом и распад» [11]. Применительно к данной теории П. Бергер создал классификацию возможных «ответов» – это принятие, отрицание, сосуществование и синтез [1, с. 9]. Рассматривая проблему взаимодействия локальных культур в контексте глобализации, Бергер дополнил оценочную шкалу «ответов»: замещение местной культуры культурой глобальной; отрицание глобальной культуры в результате мощной локальной реакции; сосуществование глобальной и местной культур без сколько-нибудь заметного их слияния; синтез глобальной (универсальной) и частной (местной) культур [1, с. 59]. Попыткам синтеза иностранных и местных культур П. Бергер дал определение «гибридизация» [1, с. 18]. Согласно этой классификации, Япония относится скорее к синтетическим культурам, нежели к трем предыдущим. Японский тип культуры можно охарактеризовать как «ретардационный», то есть предпочитающий приращение замещению [3, с. 16].

Воздействие глобализирующих процессов на японскую культуру во многом определяется фактором обособленности. Видение японцами своего общества и культуры носит печать «уникальности», «особости». Для японской культуры характерен дуализм внешнего/внутреннего (японское «*сото/ути*»). Такой дуализм имманентен различным локальным культурам и рефлексивирует отношение заимствованных извне и традиционных элементов, которое может быть выражено дихотомией «наш/не наш». Для

жителей этой страны принципиально важным является разделение мира на внешнее и внутреннее («*сото/ути*», что тождественно дуальным парам «свое/чужое», «Я/другой»). Данный дуализм «внешнего/внутреннего» прослеживается не только на макроуровне внешней политики и межкультурных коммуникаций [10], но и на микроуровне референтных групп японского социума, что находит свое отражение в языке. Слово «*ути*» означает – близкие мне люди, моя семья; слово «*сото*» – малознакомые и чужие люди по отношению к его семье; «*ути*» – моя фирма как коллектив и групповое единство и «*сото*» – коллектив фирмы-конкурента.

Исследование японской культуры с позиций дуализма «внешнего и внутреннего» может служить эвристическим методологическим инструментом для изучения причин и результатов структурных изменений как следствий глобальных вызовов современности. Исторически сложившиеся ценности, культурные нормы и установки сформировали единое ядро японской культуры, изменения в котором происходят по следующей схеме: необходимое заимствуется и синтезируется с уже существующими устойчивыми традиционными культурными элементами и учетом их принадлежности к внутреннему или внешнему порядку.

Под синтезом подразумевается органическое единство, в котором «чужое» становится «своим». Процесс синтеза – соединение различных, противоречащих друг другу элементов, единство различающегося, противоположного. Эти элементы взаимно дополняют друг друга. Каждый из них преобразуется таким образом, что становится носителем образа другого, отличающегося элемента. Новая целостность может формироваться как на основе культурных концептов страны-реципиента, так и на основе привнесенных («чужих») ценностей. Поскольку японская культура является «сильной», то новые культурные ценности формируются на основе рефлексивной трансформации традиционных культурных концептов.

Целостность японской культуры, на наш взгляд, конституируется основным противоречием, свойственным субъекту, действующему в социокультурном пространстве японского общества: с одной стороны – стремлением к совершенству индивидуального действия, с другой – приверженностью идеалам группового конформизма и личностного самоуничужения. Это противоречие для некоторых японцев становится неразрешимой дилеммой [13]. В условиях интенсивной культурной глобализации происходит синтез традиционной установки контекстуализма (термин Э. Хамагути) личности – отождествление себя с группой – с одной стороны, и западной установки – утверждения себя и другого как самодостаточных субъектов – с другой. Однако характерная культурная особенность социального поведения японцев – приоритет интересов группы и отождествление себя с множеством «Я» этой группы в противовес индивидуализму личности, который считается одной из основных западных ценностей – все еще остается доминантной категорией, регулирующей общественные взаимодействия.

Сказанное свидетельствует о том, что синтез ценностей, привносимых культурной глобализацией, и ценностей традиционной японской культуры далек от завершения (хотя бы относительного). Традиционные и новые культурные ценности «не уживаются» друг с другом: новое не на-

ходит отражения (понимания) в традиционной культуре, а традиционные ценности не воспринимаются в контексте инноваций. Внешне образ жизни японцев во многих отношениях вестернизирован. В качестве примера можно привести распространение магазинов быстрого питания (фастфуд), западных мюзиклов и оперных спектаклей; даже школьная униформа является копией британской военно-морской формы начала XIX в. Вместе с тем, отношения японцев с внешним миром полны противоречий и конфликтов. Эти противоречия имеют и гендерное измерение, то есть затрагивают социальные отношения субъектов разного пола во многих сферах общественной жизни.

Специфика отношений между полами в том, что различия полов присутствуют не только на уровне биологических, не поддающихся социальной коррекции, различий, но и в социокультурном содержании этих отношений – изменчивом и не коррелирующим непосредственно с биологическим полом. Именно поэтому социокультурные влияния на традиционную структуру социальных отношений полов, с одной стороны, воспринимаются как нарушение естественного порядка вещей и встречают большее сопротивление в обществе. С другой стороны, осуществление трансформации в этой сфере оказывает глубокое воздействие на все сферы жизни и деятельности социума.

Изменения в гендерных отношениях происходят в первую очередь через постепенное культивирование отношения к лицу другого пола как равному партнеру по социальному взаимодействию. Иначе говоря, новые ценности способствуют конструированию эгалитарных отношений, когда личность обладает возможностью реализовать свои способности во всех социальных сферах вне зависимости от половой принадлежности. Уровень развития эгалитарных отношений полов в том или ином обществе зависит от возможности доступа индивида мужского или женского пола к властным ресурсам в приватной и общественной сфере. Неравные социальные отношения проявляются в доминировании, установлении иерархических отношений, сегрегации полов, дискриминации одного пола другим. Отметим, что в рамках западных патриархальных ценностей (кстати, ставших в настоящее время на Западе анахронизмом), которые утверждались философами, начиная с Платона и до так называемых «современных метафизиков пола», в отношениях мужчин и женщин постулируется доминирование мужчины, поскольку он представляется как носитель «разумного» и «более совершенного» начала в человеке. В свою очередь, сущность женщины, согласно патриархальным установкам, делает ее «менее совершенной», и, соответственно, ей отводится более скромное место в жизни общества. Если мужчине достается публичная сфера, то женщине остается сфера приватная. Тем не менее отношения мужчины и женщины являются отношением самодостаточных субъектов. Эти отношения взаимодополнительны: мужской и женский субъекты содержат в себе оба начала и не могут существовать без другого [4]. В контексте же японских традиционных ценностей индивидуальное начало личности подчиняется референтной группе «*ути*» (в древней Японии такая группа именовалась кланом), которая и будет являться субъектом в публичной сфере. Ее пред-

ставителем является глава группы (как правило, мужчина). Отношения мужчины и женщины внутри группы регулируются конфуцианскими нормами, где маскулинное начало является главным, авторитетным (соответствие даосской концепции «ян»), а феминное начало подавленным и подчиненным (соответствие даосской концепции «инь»). Таким образом, в японской традиционной иерархической системе социального взаимодействия индивидов женщина является объектом, в то время как роль субъекта отводится мужчине. Направление изменений в сфере гендерных отношений – переход от традиционной системы, которая характеризуется доминирующим положением мужчин в обществе, к эгалитарной системе, которая характеризуется изменением положения женщины, что приводит к изменению в распределении власти в отношениях полов.

В современном японском обществе именно образовательные институты являются основными средствами передачи западных культурных ценностей. В условиях, когда культурные концепты страны-реципиента выступают как доминантные в процессе культурного синтеза, наиболее значимым механизмом трансформации культурных ценностей становится один из важнейших институтов социализации индивида – институт образования.

Одной из важнейших функций образовательной системы является функция сохранения (воспроизводства) и порождения (производства) культурных ценностей. Образование конструирует социального субъекта как носителя и как творца социокультурных систем. Смена поколений людей в условиях непрерывно изменяющегося исторического контекста способствует осуществлению процесса трансляции культуры и реализации культурных норм через образовательные институты [2]. Как считают многие исследователи, первым, наиболее важным этапом в становлении субъекта является школьный этап образования. Для того чтобы показать роль института образования в трансформации гендерных отношений в японском обществе, остановимся подробнее именно на этом этапе образовательного процесса.

Значимость школьного образования в японском обществе определяется тем, что именно в стенах школьного образовательного учреждения осваивается основной мотив японской культуры – стремление примирить личные и общественные интересы. Именно в образовательном пространстве японской школы в условиях культурной глобализации происходит внедрение новых эгалитарных гендерных ценностей (с одновременным сохранением старых). Эти изменения исследуются японскими учеными, причем в основном с критических, феминистских позиций. Отметим, что эта критика способствует продуктивным изменениям, поскольку концептуальные идеи феминизма являются стержневым теоретико-методологическим звеном в рефлексии трансформационных процессов культурной глобализации.

Процесс по внедрению новых ценностей является управляемым и осуществляется посредством государственного вмешательства в глобализирующие культуру процессы (понятие *управляемой глобализации*, по Бергеру). Следует отметить, что правительственные институты Японии играют большую роль в процессе реализации синтеза западных и традицион-

ных ценностей в условиях культурной глобализации, но действуют разнонаправленно: способствуют как внедрению новых элементов глобальной культуры, так и сохранению элементов культуры традиционной.

С 80-х гг. прошлого столетия японское правительство стало проводить ряд реформ школьного образования. Толчком к проведению этих реформ послужило появление таких социальных проблем, как отказ учащихся от посещения школы, насилие и издевательства над одним из учащихся со стороны группы одноклассников. Пытаясь реформировать систему образования, правительственные круги Японии в то же время стремятся сохранить традиционные ценности. Например, в 2002 г. правительство затратило около 730 млн иен на создание «душевных тетрадей», которые были розданы всем детям. Примечательно, что они были созданы не для исследования истинных причин душевных стрессов японских учащихся, а для их идеологического воспитания; девиз этого начинания звучал так: «Давайте с благодарностью и мужеством стараться, во всем любя наше Отечество!» [12]. Последняя реформа образования была осуществлена в 2006 г. – был принят «Основной закон об образовании», который, однако, подвергся критике со стороны многих ученых за его «возвращение к традициям» (например, распевание национального гимна на церемонии по случаю завершения школьного образования).

Важным шагом на пути к созданию правительственными институтами эгалитарных гендерных отношений стало создание условий для равного доступа представителей обоих полов к обязательному школьному образованию. Юридически это право было закреплено еще в Конституции 1947 г., а также в «Основном законе об образовании». Поэтому следующие, послевоенные годы были отмечены стопроцентной посещаемостью начальной школы – как мальчиками, так и девочками. Однако в отношении обучения в школе старшего звена доля женской посещаемости была меньше мужской вплоть до 1960-х гг., когда снова произошло выравнивание. В 1955, 1985 и 2007 гг. 50 % учащихся были женского пола (различия более заметны в сфере высшего образования: с 1955 г. по 2007 г. процентное соотношение увеличилось с 10 до 40 – по данным «Статистической информационной базы по гендеру»). Мотивация получения высшего образования у девочек была меньшей, чем у мальчиков, поскольку наличие высшего образования не давало им в будущем обладания равными правами с мужчинами и возможностей по самореализации в публичной сфере [8]. Доступ к получению образования формально считался равным, однако на мотивацию в отношении получения высшего образования во многом влияли гендерные ожидания со стороны «значимых других». Дело в том, что родители имеют тенденцию быть «гендерно ориентированными» в своем подходе к воспитанию детей. В частности, от девочек ожидается, что они станут «мудрыми матерями» – архаичный девиз, предложенный в период Мэйдзи. В то время матери не желали, чтобы их дочери ходили в школу, поскольку были убеждены в том, что школьные знания не понадобятся их чадам, и вместо этого нередко отправляли девочек в «теракою» (школа при храме), где их обучали «практическим навыкам» [14]. В современном японском обществе доминантным остается гендерный стерео-

тип, что девочкам нужно думать в первую очередь о будущем замужестве и о приватной сфере жизни.

Благодаря реформе образования 2006 г. в учебных программах юридически было закреплено положение о совместном изучении всех школьных предметов вне зависимости от половой принадлежности учащегося, что свидетельствует о преодолении гендерной сегрегации в рамках школьных учебных программ. В некоторые школьные дисциплины (домашняя экономика, домоводство, уроки труда) вносятся изменения, чтобы мальчики и девочки получали одинаковые навыки для будущей семейной жизни. Это относится к средней школе первой ступени, а во второй – введены новые предметы, расширяющие познания детей о повседневной жизни [7]. Однако проблемы и острые дискуссии вызвал пункт о переодевании учащихся обоих полов в одной комнате для последующих занятий физической культурой (даже среди старшеклассников).

Что касается педагогического воздействия на социализируемого субъекта, то отношение к учащимся разных полов в японской школе дифференцировано и зависит от пола учащегося. Например, школьные преподаватели часто делают замечание девочкам по поводу их поведения или словоупотребления (в японском языке существует четкая дифференциация мужского и женского стиля речи): «ну ты же девочка (не надо так делать/говорить)»; «ну ты же парень» – часто говорят японским школьникам для того, чтобы поощрить их занятия спортом. Учителя называют девочек по фамилии с добавлением суффикса «сан», мальчиков – по фамилии и с присоединением суффикса «кун». Но подобная дифференциация хоть и происходит только в школе младшей и средней ступени, имплицитно помогает формированию традиционной гендерной идентичности и поддерживает традиционное разделение половых ролей. Таким образом, в области педагогического воздействия гендерная сегрегация не преодолена и продолжает существовать и в настоящее время.

Стоит отметить наличие изменений и в организации образования, которые направлены на преодоление гендерной сегрегации. Например, сильно изменилась система записи имен и фамилий в японских журналах (где ставятся оценки и отмечается посещаемость школьников). В традиционной системе школьного образования Японии существовал обычай записывать сначала 50 мужских фамилий, потом 50 женских, что имманентно разделяло японских школьников по половому признаку на две изолированные друг от друга группы. На практике это нередко приводило к тому, что, например, во время выполнения контрольных работ их рассаживали определенным образом – в соответствии со списками из классного журнала, что создавало неравные возможности для девочек и затрудняло получение хорошей оценки. Однако в настоящее время вводится новая система записей в классных журналах (правда, следует отметить, что происходит это только в регионе Кансай, в частности в г. Осака). Теперь фамилии девочек записываются вместе с фамилиями мальчиков, без разделения на группы по полу [12].

Таким образом, в образовательном пространстве японской школы действуют противоречивые тенденции, отражающие сложность процесса син-

теза новых и традиционных ценностей в условиях культурной глобализации. Гендерные отношения, сформированные в рамках «сильной» культуры, где традиционные ценности являются определяющими в формировании «гендерного дисплея», подвергаются направленному изменению. Гендерные аспекты реформирования школьного образования свидетельствуют о том, что именно этот институт имеет ключевое значение в подготовке носителей синтезированных ценностей, которые позволят обеспечить принцип эгалитарности в системе гендерных отношений японского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бергер, П. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона ; пер. В. В. Сапов. – М.: Аспект-Пресс, 2004.
2. Блейхер, О. В. Формирование сущностной функции человека в культуре постиндустриального общества / Блейхер О. В. // Электронное научное издание «Аналитика культурологии». – 2006. // <http://www.analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=145>
3. Главева, Д. Г. Традиционная японская культура: специфика мировосприятия / Д. Г. Главева. – М.: Вост. лит., 2003.
4. Зиневич, О. В. Иоганн Фихте о назначении ученого и женском предназначении / О. В. Зиневич // Немецкий этнос в Сибири. – Новосибирск, 2000. – № 2. – С. 47–51.
5. Квилинкова, Е. Н. Национальная культура и глобализация / Е. Н. Квилинкова, В. А. Сакович // Славянские чтения: материалы науч.-теор. конф. – Кишинев, 2005. – С. 61–70.
6. Мещряков, А. Н. История Японии / А. Н. Мещряков. – М., 1998. – Т. I: С древнейших времен до 1868 г.
7. Маркарьян, С. Б. Японка в интерьере «мужского» общества / С. Б. Маркарьян // Портрет современного японского общества. – М.: АИРО-XXI, 2006. – С. 221–222.
8. Мэгуро, Ё. Образование женщин и девушек в Японии – прогресс и вызовы: доклад к семинару ЮНЕСКО / Мэгуро Ё. – 2001 // http://www.unescobkk.org/fileadmin/user_upload/appeal/gender/genderequalityJapan.doc
9. Рабжаева, М. В. Гендерная антропология: концептуальная и институциональная характеристика / Рабжаева М. В. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – № 2. // <http://www.jourssa.ru/2002/2/4cRabjaeva.pdf>
10. Рекичинская, Е. А. Межкультурная коммуникация как социально-образовательный феномен / Е. А. Рекичинская // Философия образования. – 2009. – № 1. – 108 с.
11. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова, А. Д. Харитоновича, И. Е. Киселевой. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 272 с.
12. Томоми, С. Журналы со смешанным порядком фамилий учащихся / Томоми С. / Школа, образование и гендер. – 2000 // <http://homepage3.nifty.com/tomorine3908/eschool/002.list.htm>
13. Тецуя, Тахакаси. О безусловном: размышления об образовании в Японии / Т. Тецуя Тахакаси // Философия образования. – 2008. – № 4. – С. 127–136.
14. Чан, Л. Л. Гендерные роли в образовании в Японии / Л. Л. Чан // Женщины в Японии и Гонконге. – Гонконг: Изд-во Ун-та Гонконга, 2008 // <http://www.scribd.com/doc/2921146/Gender-Role-of-Education-in-Japan>